

Новая волна —

стокорое яблоко» (сразу оскомины от ненашенской дубоватой коры), превратилось же, разумеется, в «толстокожее». Мы же, взрослые, лучше знаем!..

Кстати, ежели без чинов, то таким же пришельцем со стороны, в том числе инациональной, входил в русскую литературу малоросс Гоголь-Яновский, чей язык поначалу коробил великодержавных хранителей исконно русского слова. И чья Россия, ныне-то неотрывная от нашего представления о ней и о нас самих, еще у Иннокентия Анненского вызывала риторические вопросы: «...В «Мертвых душах» в какие голы происходит действие? Что это, в сущности, за страна?.. Чьи дети, чьи внуки эти Маниловы?».

Между прочим, подобные же вопросы, только агрессивно-непримиримые, и до Искандера доносились с его «малой родины». Это теперь он — гордость Абхазии; прежде автору «Созвездия Козлотура» пришлось таки походить в очернителях.

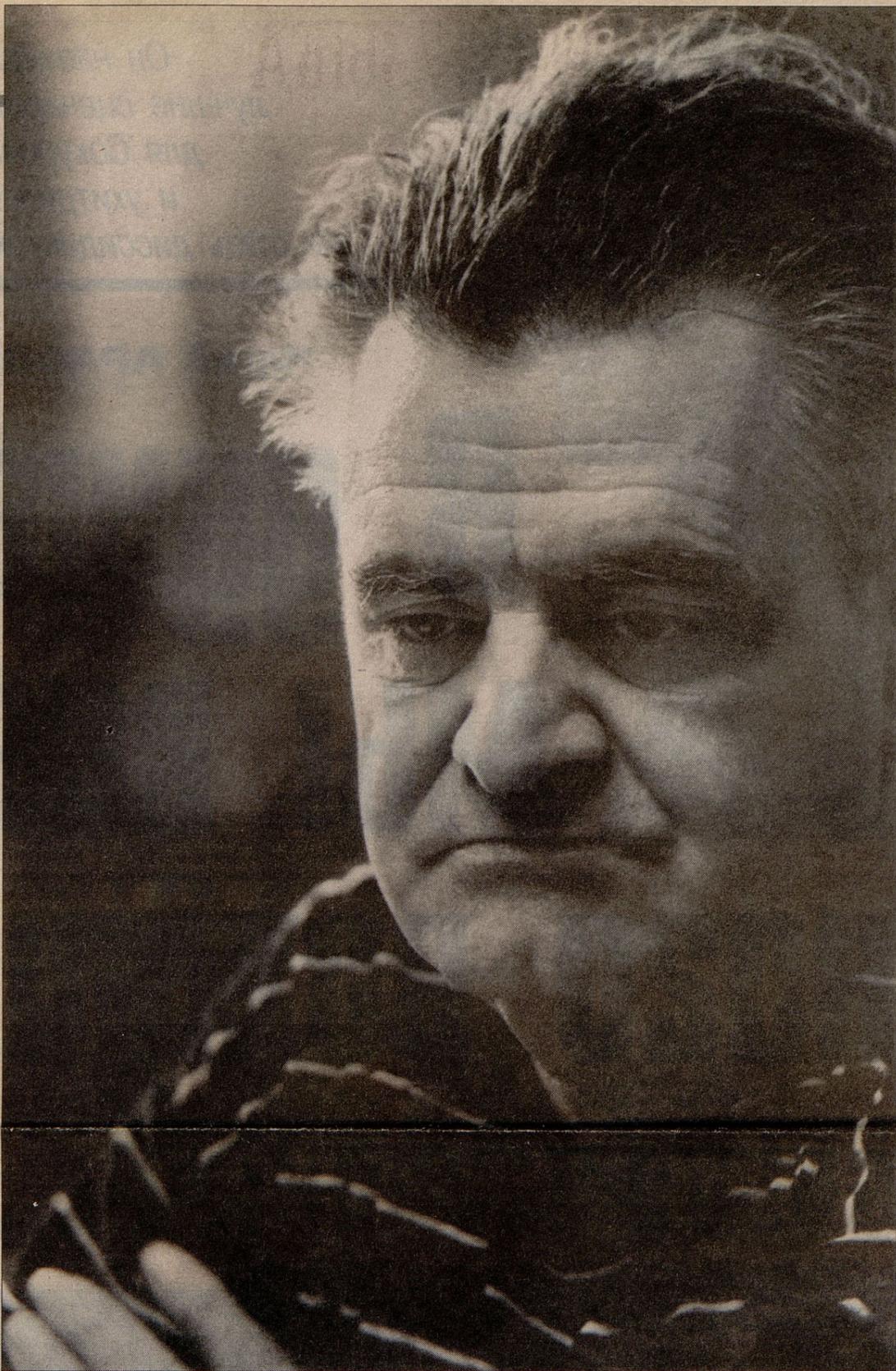
Что было — по-своему — закономерно и неизбежно, как неизбежен оказался и крик отчаяния, вырвавшийся в конце концов:

*С этой страны, как ковер со стены, содрали этический слой
Дворянства! И великий народ стал великой туфтой.
Грустно. И ни черта не понять,
что там мозгует режим:
Северным рекам шей свернуть
или отнять Гольфстрим!
В галстуках новая татарва.
Впору сказать: «Саям!»
Я улыбаться учил страну,
но лишь разучился сам.*

При такой-то явственно киплинговской закуске, которая сама по себе предполагает цельнометаллическую мужественность безо всяких там комплексов, — и вдруг мрачность, раздраженность, нервность! Словно интеллигентский тик на медном лице солдата.

*Не то чтобы с гор или с неба упал и отряхнул штаны,
Я генетически не совпал с рефлексами этой страны!
Мимика, жесты, мигающий глаз,
пальцев хозяйский знак.
Я понимать не желаю язык сторожевых собак!*

Вспомним: «Я даже испугался». Есть чему. «Мне стало страшно». Еще бы. Но страшно все тому же, одному-единственному Искандеру, который и в своей открыто трагической «постчегемской» прозе не перерос своей светоносности. Не отказался от нее. Не опроверг

Юрий РОСТ

Крепко запомнился — и был даже записан — разговор с Фазилем Искандером: как он своим словом пытался предотвратить кровавый грузино-абхазский конфликт. Увы! «...Ни один народ никогда не прислушивается к мнению своих писателей».

— Но как его за это винить? — попробовал я откорректировать этот фатальный вывод. — Ты же сам в первых главах «Сандро» больше шутил насчет эндурства. А потом спохватился и стал объяснять, что злокозненные эндурцы — это мистика национального предрассудка.

— Да! Я даже испугался. Эндурцы, кенгурцы — это ведь из моей детской игры. Я еще в детском саду придумал два племени — Эндурцио и Кенгурцио («Швабрация» — Ст. Р.), рисовал их карты, изображал сражения между ними, и мой любимый дядя, который погиб потом в Магадане, хохотал над рисунками. И вдруг мой немецкий переводчик, прочитав «Сандро», спрашивает меня: «Эндурцы — это евреи?» А один мой родственник из Очамчиры говорит: «Знаю, кого ты имел в виду — грузин». Вот тут мне стало страшно. Детская игра — и вдруг отзывается в кровавом кошмаре. Как будто реализуются гоголевские ужасы...

Испугался... Страшно... Это — о себе, к чьей смешиливости, к чьему «светоносному дару» (узурпирую у Набокова определение, данное Мандельштаму) мы так привыкли? Тем паче неудивительно, что как раз в пору страшных событий на родине Искандера кое-кто обиделся на него: «Оказывается, Абхазия совсем не такая! Он ее придумал!».

Милые, а вы не пытались исчислить географические координаты страны гуингмов? Да что Свифт — а Наташ Ростовых с Пьерами было, что ль, пруд пруди в «России, которую мы потеряли»? Что ж говорить о фолкнеровской Йокнапатофе. Вообще — чем значительнее писатель, тем разительнее его модель мира отличается от сущей реальности, и невозможно познать, скажем, реальность российскую по «Мертвым душам» и «Карамазовым».

То же с Абхазией Искандера, где не Сухум, но Мухус, и мало того: даже рассказы о собственном — собственном! — детстве в этом смысле под большим подозрением.

«Чик сидел на вершине груши... Здесь несколько виноградных плетей... образовывали пружинистое ложе, на котором можно было сидеть или возлежать в зависимости от того, что тебе сейчас охота. Охота сидеть — сиди и поклевывай виноградина, охота лежать — лежи и только выпягивай руки, чтобы срывать виноградные кисти или груши».

Не хвачу ли лишку, сказав: «Это же Рай? Не рай в бытовом словоупотреблении, а тот Эдем, где обитали, покуда не были изгнаны, беспечные первые люди. Ибо: «От всякого древа в саду будешь ты есть» (Ветхий Завет. Первая книга Моисеева. Бытие).

Если хвачу, то чуть-чуть. Мальчик, Который Не Хотел Расти, — таков символ несдающегося детства, полуангел Питер Пэн, придуманный англичанином Барри. Искандеровский Чик, мальчик, топчущий босыми ногами твердую почву своей родины, хочет расти, как всякий нормальный ребенок. Но сам Фазиль Искандер не перестал жить там, где обитают герои этой его страны Утопии.

Нет, двух Утопий. Полагаю, уникальность Искандера, притом в масштабах не только отечественных, в следующем.

Если XX век — век разломов и разочарований (и мало надежды, что XXI станет иным), то в литературе он — век антиутопий. «Мы» Замятина. «Чевенгур» и «Котлован». «Роковые яйца». У «них» — «Машина времени», «Война с саламандрами», «1984». Список почти бесконечен. И вот Искандер с его Утопией № 1, с патриархальным Чегемом, затонувшим — или потопленным — как Атлантида. И с Утопией № 2, с миром детства, исчезающим не менее, даже более неотвратимо, чем Чегем, но, слава богу, хотя бы столь же неотвратимо воспроизводящимся.

Пришеллец

Даже под созвездием Козлотура рождаются мудрецы.
6 марта исполняется 75 лет Фазилу Искандеру

Вообще-то «детскость» — двусмысленный комплимент. Тут муравьиный шажок от наивности к идиотизму. «Боже мой! — идеально явив последнее свойство, вскричала когда-то великоСоветская дама, глянув в окно на московскую осень. — Я ведь только теперь поняла, какой Сталин великий человек! Променять благословенный климат Грузии на эту мразь и слякоть! Как же надо любить русский народ, Россию!»

Что скажешь? Дура. Но ведь и Искандер в романе «Сандро из Чегема» вдруг неожиданно добр к тирану-чудовищу, когда в знаменитом эпизоде словно дает ему шанс не превратиться в чудовище, оставшись «тем самым Джугташвили, который не захотел стать

властелином России под именем Сталин». Предпочел, то есть, «благословенный климат» и естественную крестьянскую жизнь с ее неискаженными детскими ценностями, — а что тиран этот шанс не использовал, так уж это беда не только обшая, наша, но и его извращенной души.

(В скобочках есть, правда, еще один случай, когда Искандер великодушно позволил Сталину оказаться на высоте пророчества, предсказав большое будущее абхазской аджики. Поддерживаю воля и я, вспоминая, как в оные времена покойная мама Фазила присылала ему «Изабеллу», как немедля высвистывали меня, и мы вчетвером, при символическом участии жен, усжили бочонок. Под аджику — хорошо шло!..)

Что ж, детскость так детскость. Тем более что ребенок, еще не знакомый с мировым абсурдом, предполагает самое лучшее, считает вселенную своей копией и вдобавок является в густонаселенный мир поистине как пришелец, разнообразя его, в частности, и незлым своим языком. А Искандер...

Когда-то он дал мне прочесть в рукописи рассказ «Колчерикий», и я восхитился, впрочем, прийдя в замешательство: дивное слово, но — не по-русски! У нас — сплошь колченогие!... Слово, понятно, осталось в тексте, кажется, даже вошло в обиход, и, напротив, я чуть не зарыдал, увидав в каком-то издании, как корректор или редактор, черт их там разберет, исправил искандеровскую ошибку. У него было — «тол-

Может, даже наоборот, от противного, от ужасного заново утвердился в своих — и крестьянских, народных — ценностях?»

...Когда в Абхазии начала литься кровь, я, помнится, сказал ему:

— Прости мне мой черный юмор, но теперь тебе есть чем закончить роман: дядя Сандро убит на улице Мухуса эндурской пулей.

Но Фазиль моей невеселой шутки не поддержал:

— Нет. Сандро умереть не может. Конечно, не может. Как Швейк. Как Теркин. Как все те — и всё то, — в бессмертную нерушимость чего и кого надо верить. Иначе и жить не стоит.

● Станислав РАССАДИН

*Искандер
Ростов
10.03.04*